

СТИХИ ИЗ ПРИГОВОРА

Еще раз о трагедии Осипа Мандельштама

Моск. ковета. - 1989. - 9 апр. (№15) - с. 16

Роберт РОЖДЕСТВЕНСКИЙ



В ЭТОМ ЗНАМЕНОМ СТИХОТВОРЕНИИ ВСЕГО 16 СТРОК. А СОДЕРЖАНИЯ В ЭТИХ СТРОКАХ — НА ОГРОМНУЮ ПОЭМУ. ПОЭМУ ЧЕСТНЕЙШУЮ, ЯСНУЮ ДО СЛЕЗ, ТРАГИЧЕСКУЮ, НАПОЛНЕННУЮ ГИГАНТСКИМ САРКАЗМОМ И НЕВЕРОЯТНОЙ ВЗРЫВЧАТОЙ БОЛЬЮ. ТАКИЕ СТИХИ ПИШУТ, ЧТОБЫ НЕ РАЗОРВАЛОСЬ СЕРДЦЕ... О МОЛОДОМ МАНДЕЛЬШТАМЕ ИНОГДА ГОВОРИЛИ, ЧТО ОН «НЕ ОТ МИРА СЕГО». А ОН, КАК ВЫЯСНИЛОСЬ, БЫЛ ВЕСЬ ИМЕННО ОТ ЭТОГО, ВЗДЫБЛЕННОГО, ПЫЛАЮЩЕГО, «СЕГО» МИРА. БЫЛ ВЕСЬ ОТ МИРА, В КОТОРОМ ОН ЖИЛ И В КОТОРОМ ПОГИБ...

Он записал эти стихи в 1934 году на допросе в кабинете следователя. Впрочем, сами стихи были уже достаточно известны. Их переписывали, шепотом читали друг другу.

Но следователю было важно иметь в деле вариант, написанный рукой автора. И поэт выполнил эту просьбу. На маленьком листке из блокнота он легкое начертал 16 строк собственного смертного приговора. А потом четко подписался: О. Мандельштам. Как эта рукопись оказалась у меня?

Дело в том, что она оказалась не у меня лично, а в комиссии по литературному наследию О. Э. Мандельштама при Союзе писателей СССР. Я же волею судеб являюсь председателем этой комиссии.

И вот несколько месяцев тому назад мы разосла-

ли официальные письма в архивы некоторых городов и ведомств с просьбой помочь нам в поисках хоть каких-нибудь материалов о Мандельштаме...

Однажды мне позвонили из КГБ и сказали: «Ваше письмо получено. Ищем...».

Потом, недели через две, позвонили второй раз и сказали: «Нашли».

Честно говоря, на такую удачу наша комиссия и не рассчитывала... Хорошо, что двери архивов даже сверхсерьезных учреждений сегодня начинают открываться. Пусть так идет и дальше!

Мне сказали, что большую роль в поисках этой мандельштамовской рукописи сыграл старший научный сотрудник Центрального архива КГБ СССР Владлен Михайлович Маркелов.

Искреннее спасибо ему!

В ЭТОМ году во втором номере журнала «Подъем» напечатано письмо воронежского писателя М. Я. Булавина.

Пусть мой ответ ему будет приложением к публикации рукописи О. Мандельштама.

«Уважаемый Михаил Яковлевич!

С огромным интересом я прочитал Ваше письмо в редакцию. То самое письмо, которое Вы начинаете заявлением о своем полном непонимании стихов Мандельштама, далее пишете, что эти стихи «сравнимы разве с шарадами, ребусами, которые надо расшифровывать, догадываться, чтобы как-то осмыслить то, о чем хотел сказать автор читателю...», и заканчиваете словами о том, что «в области поэзии у Мандельштама нет заслуг ни перед Родиной, ни перед народом... Я против возвышения Мандельштама как поэта, я против создания его музея в Воронеже и самым энергичным образом буду протестовать против наименования улицы его именем в городе Воронеже».

Что ж, понимать или не понимать поэта, любить его или не любить — это Ваше право, Ваше личное дело. И я не призываю Вас менять точку зрения. Так что, ради бога, не понимайте, не любите.

Более того, я даже не предлагаю Вам взять в библиотеке «Избранное» Мандельштама и начать свое новое знакомство с этим поэтом. Начать не со сложных стихов, которые, действительно, у Мандельштама есть, а с более простых, понятных Вам. А потом уже переходить от простого к сложному. Знаете, это как в школе: там ведь

не зря следуют именно такому правилу.

Нет, ничего подобного я не предлагаю. Потому что чувствую: не тот случай.

Но при всех случаях, любезный Михаил Яковлевич, я очень советую Вам никогда не хвастаться своим непониманием. И тем более не выдавать собственное непонимание чего-либо за непонимание всего народа...

У меня к Вам несколько вопросов.

Вот Вы пишете, что в 1937 году были ответственным секретарем Воронежской писательской организации и объявляете неправдой утверждение, что вокруг поэта могла группироваться творческая молодежь. «Вся поэтическая молодежь», — строго замечаете Вы, — находилась у нас на учете...

Весьма многозначительное замечание!

Но я все-таки хочу спросить: неужели в с я молодежь? Неужели Вы не допускаете даже мысли о том, что какая-то часть «поэтической молодежи» могла быть «не учтена» Вами?..

Судя по письму, из всех встреч с Осипом Мандельштамом лишь одна произвела на Вас неизгладимое впечатление. И об этой встрече Вы, как и положено прозаику, повествуете емко и образно. Не стану пересказывать, лучше снова прибегну к цитате, сохраняя Ваш писательский стиль.

«В наш союз писателей на собрания приходил и Мандельштам с высланными: бывшим дипломатическим работником, написавшим книгу «Раб и Рим», Стефан и цирковой работник с женой Айч. В перерыве все

четверо выходили в коридор, курили и разговаривали на иностранном языке. Я попросил их, чтобы впредь они на наших собраниях пользовались только русским языком...» (Сочувствую Вам! Действительно, трудно опеределить, на каком именно языке говорил Мандельштам со ссыльными. Ведь он знал четыре языка: французский, немецкий, итальянский и испанский...).

В ситуации, о которой Вы рассказываете, в общем, разобраться можно: председатель объявил перерыв, люди вышли в коридор, стоят, курят и (заметьте — в перерыве!) говорят на языке, который Вам непонятен. А Вы, Михаил Яковлевич, почему-то сердитесь.

Ну почему, объясните! Ведь они же не с Вами разговаривают, а друг с другом! Вам-то что до этого? Или в функции ответственного секретаря в то время входила и испепеляющая жажда знать, о чем именно говорит «высланный О. Мандельштам» со своими друзьями?..

Впрочем, надо отдать Вам должное: страдания Осипа Эмилевича не могли не растрогать Ваше сердце. Вы прямо так и пишете: «Я знал, что Мандельштам испытывал нужду, бедствовал, ютился в очень маленькой частной комнате, и сочувствовал, но помочь в тогдашней ситуации не мог...»

Да, кстати, я совсем забыл сказать, что комиссия по литературному наследию О. Мандельштама (как и каждая подобная комиссия) тщательно собирает не только все, что написал он сам, но и все, что было написано о нем.

И вот совершенно случайно мне на глаза попался сборник Воронежского отделения Союза

Мне писали эти стихи на эту страну
Наши речи за десять шагов не слышны,
А где хватит на полразговорца
Там припомнят кремлевского горца.
Его толстые пальцы, как черви, жирны,
А слова, как пудовые гири, верны.
Тараканьи смеются глазкища,
И сияют его голенища.

А вокруг него сброд тонкошеих вождей,
Он играет услугами полулюдей.
Кто свистит, кто мяучит, кто хнычет,
Он один лишь бабачит и тычет.
Как подкову, дарит за указом указ —
Кому в пах, кому в лоб, кому в бровь, кому в глаз.
Что ни казнь у него, то малина
И широкая грудь осетина.

О. Мандельштам

Мы живем, под собою не чуя страны,
Наши речи за десять шагов не слышны,
А где хватит на полразговорца,
Там припомнят кремлевского горца.
Его толстые пальцы, как черви, жирны,
А слова, как пудовые гири, верны.
Тараканьи смеются глазкища,
И сияют его голенища.

А вокруг него сброд тонкошеих вождей,
Он играет услугами полулюдей.
Кто свистит, кто мяучит, кто хнычет,
Он один лишь бабачит и тычет.

Как подкову, дарит за указом указ —
Кому в пах, кому в лоб, кому в бровь, кому в глаз.
Что ни казнь у него, то малина
И широкая грудь осетина.

О. МАНДЕЛЬШТАМ.

писателей, изданный в ноябре 1937 года. Название сборника «Литературный Воронеж», и в нем помещена итоговая статья-обзор «Воронежские писатели за 20 лет». У статьи два автора: Н. Романовский и М. Булавин. (А ведь это Вы, Михаил Яковлевич!)

Я спрашиваю так потому, что хочу продолжить, как-то расширить намеченную тему Вашего искреннего сочувствия Мандельштаму. И оказывается, что на деле в 1937 году Ваше сочувствие выглядело следующим образом:

«Пользовавшиеся поддержкой врагов народа, прибывшие в 1934 году в Воронеж троцкисты Стефан, Айч, Мандельштам, Калеский пытались создать сильное оцепление писательского коллектива (!), внося дух маразма и аполитичности. Попытка эта была разбита. Эта группа была разоблачена и отсечена (!), несмотря на явно либеральное отношение к ней бывших работников Обкома (Генкин и др.), которые предлагали «перевоспитать» эту банду...»

Ну что сказать по поводу этой цитаты? Пока только то, что она типична для того времени. Посаженных «врагов народа» можно было ругать самыми последними словами. Именно такие публикации поощрялись, фиксировались. И назывались «голосом общественности».

Но ведь Мандельштам-то к тому времени еще не был арестован! Наоборот, в мае тридцать

седьмого года ему разрешили вернуться в Москву.

Ну, а Вы его — наотмашь, словно он не на свободе, а в тюрьме: «троцкист», «дух маразма», «группа разоблачена и отсечена», «участник банды»...

За что же Вы его, Михаил Яковлевич? За то, что Вам стихи непонятны? Зачем Вы вместе с Вашим соавтором говорите о поэте так, будто знаете, что «мандельштамовский вопрос» скоро будет решен раз и навсегда?

Или, может, Вы провидец, Михаил Яковлевич?..

Однако давайте вернемся из темного прошлого в светлое будущее. То есть давайте снова обратимся к Вашему недавнему письму в редакцию журнала «Подъем».

Из письма совершенно ясно, что поступиться принципами (в том числе и принципами тридцать седьмого года!) Вы не можете. Не можете и не хотите.

Что ж, это тоже Ваше право. Только, пожалуйста, не надейтесь, что прошлое, в котором Вас все боялись, прошлое, о котором Вы так тоскуете, может вернуться вновь.

Другое время сейчас на нашей земле. Совсем другое...

А улица Осипа Мандельштама в Воронеже будет. Будет как память о большом прекрасном поэте, который несколько лет жил и работал в Воронеже. Да, работал, несмотря на всю вынужденность своего воронежского пребывания, несмотря на всю трагичность своей судьбы.